

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗУМА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ,
НО ОН ВСЕ ЕЩЕ
ПОЛЕЗЕН

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ЧТОБЫ ПОНЯТЬ СЕБЯ, НАМ НУЖНО ПОНЯТЬ, КАК МЫ ПОНИМАЕМ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

Теперь мы подошли к тому моменту повествования, когда усатый детектив, прохаживаясь по комнате, расскажет, кто-это-сделал, как-он-это-сделал и почему-он-это-сделал. «Почему мы разумны?» — произнесет он задумчиво, устремив проницательный взгляд на взволнованных присутствующих.

В добрых старых детективах обычно выясняется, что все очевидные подозрения оказываются только отвлекающим маневром. И в нашей истории тоже так.

Сознание — не аналитический центр мозга, где происходит обдумывание всех самых глубоких и серьезных идей. У этого подозреваемого крепкое алиби. Наши лучшие мысли часто приходят к нам без участия сознания. Нам морочили голову, внушая, будто сознание занимается нашим мышлением, поскольку знает решения и ему нужно доверять. Но собрание наработок, которым располагает наше сознание для описания того, как мы разгадываем головоломки, обманчиво.

Сознание не связывает воедино все, что совершает мозг. Оно определенно имеет доступ к некоторым областям мозга и информации, поставляемой органами чувств, однако упускает многие нормы и сведения, которыми мы пользуемся. Зрение, контролирующее наши руки, минует сознание. Сознание не замечает подражания, делающего нас всех похожими друг на друга, оно не знает, что

мы выбираем товары, находящиеся справа, и даже не в курсе целей, управляющих нашим поведением.

Те элементы, которые сознание соединяет в мозге, не имеют смысла, поскольку оно делает это неподходящим образом.

Наконец, сознание вовсе не центр принятия решений в нашем мозге. Оно не определяет даже такой мелочи, каким пальцем пошевелить, что уж говорить о жизненно важном выборе, например, кого нам любить или кого толкнуть под поезд. Правда, от ложного следа, ведущего к этому подозреваемому, отказаться весьма трудно. И вот из своего угла комнаты подает голос пожилая дама: «Легко сказать, будто сознание не принимает этих решений. Нас всех обманули. Что ж, ладно. Но вы не доказали, что сознание вообще *ничего* не решает. Возможно, вы плохо искали».

Дама попала в хорошую компанию. Первые исследования, посвященные бессознательным процессам, вызвали у ученых реакцию отторжения и желание убедиться в том, что все важные решения принимаются разумом, а эксперименты показывают только странные единичные отклонения. Но после множества экспериментов никто так и не нашел ни одной категории решений, которые однозначно принимаются сознательно, а не бессознательно. Напротив, когда кто-либо заявлял, что именно сознание ответственно за определенный вид решений, сразу появлялся кто-то другой и доказывал, что бессознательно они принимаются ничуть не хуже.

Во всех деталях, описывающих результаты исследований, которые мы рассматривали, оказалось полно подсказок для разрешения нашей загадки.

Но это не самый обычный случай. Шерлок Холмс определенно назвал бы это проблемой на три или даже четыре трубки. Мы раскурили лишь первую трубку и теперь должны прокрутить в уме (сознательно или не очень) одно из самых запутанных дел, имеющих отношение к нашему мозгу.

Мы обнаружили, что многие вещи, которые нам кажутся сознательными, мы делаем неосознанно. Но мы также узнали, что подсознание поддерживает этот обман. То, что мы чувствуем сознательно, исходит извне: сознание, как мы выяснили, изобретает собственную роль в соответствии с тем, что, как мы полагаем, думают другие люди.

В этой части книги мы найдем улики, которые приведут нас к социальной теории сознания. Мы обнаружим: людям необходимо понимать, что о них думают окружающие, чтобы выполнять то, что они делают. И один из способов это постичь отлично соответствует нашим представлениям о сознании. Оно дано нам не для понимания самих себя, а чтобы разбираться в людях. Мы выясним, что разум помогает нам принимать решения — в противном случае он оказался бы бесполезным. Однако разум не делает это самостоятельно — он выступает в роли сомелье, который может повлиять на наш выбор вина, но не берет на себя право решать за нас.

ЧТОБЫ ПОНИМАТЬ ЛЮДЕЙ, НАДО ЧИТАТЬ ИХ МЫСЛИ

Человек живет внутри невероятно сложной социальной системы. Если мы хотим добиться успеха, нам нужно уметь предугадывать, как поступят другие люди. Что бы вы ни делали — вели переговоры с боссом, пытались завоевать сердце любимого человека или пытались уложить спать сына, — необходимо представлять, что творится у всех этих людей в голове и как они могут реагировать на ваши поступки.

Представьте, что вы коротае время на работе, болтая с коллегой, который, глядя через ваше плечо, вдруг замолкает и в спешке возвращается на свое место. Вы понимаете: это знак, что он увидел приближающееся начальство и опасается, как бы беседа с вами ему не навредила. По поведению коллеги вы смогли понять, о чем он думал, а ваша интерпретация помогла вам определить, как себя вести. И если коллега тревожится о вас, как о себе самом, он посмотрит на вас, чтобы удостовериться, получили ли вы его сообщение: он попытается прочесть ваши мысли, дабы убедиться, что вы прочли его.

На подобное чтение мыслей нам требуются считанные секунды, но, если мы сами не умели бы это делать, люди с такими способностями казались нам колдунами, и тогда все были бы непредсказуемы. Как мы увидим далее, главным способом предсказывать поведение людей и влиять на них оказывается умение интерпретировать их мысли. По поведению, выражению лица и высказываниям окружающих мы судим о том, что движет их поведением, а затем используем эти знания, чтобы прогнозировать их дальнейшие поступки.

ПРИ ПРОГНОЗИРОВАНИИ ПОВЕДЕНИЯ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ НАМ ПРИХОДИТСЯ ЕГО МОДЕЛИРОВАТЬ

Если вы возьмете эту книгу, а затем выпустите ее из рук, то, что случится после, вас не должно удивить. У вас есть модель того, что произойдет, которая позволяет вам делать прогноз еще до начала самого эксперимента.

В использовании этой модели имеются по крайней мере два аспекта.

Во-первых, вы знакомы со сводом правил, применимых к данной ситуации. Вы знаете: если предметы тяжелее воздуха, они падают на землю — некоторые прямо вниз, другие же при падении вращаются или вибрируют. Вы также знаете, что, достигая земли, предметы обычно издадут шум и некоторые из них подвергаются деформации, отскакивают или откатываются.

Во-вторых, руководствуясь особыми знаниями о предметах, вы можете внести коррективы в свою модель и решить, какое именно правило применять. Насколько тяжела эта книга? Как высоко над полом и под каким углом вы ее держите? Есть ли в помещении сквозняк? Лежит ли на полу ковер?

Если мы хотим применить нашу модель и предсказать, что случится, нужно соединить правила и специальные знания. Так же и с людьми — у нас есть общие представления о том, как они ведут себя в различных обстоятельствах. Мы допускаем, как большинство людей могут видеть, желать, знать, чувствовать и действовать. Наши наблюдения мы дополняем деталями. Учитывая угол зрения другого человека, мы можем подробнее представить себе, что именно он видит. Принимая во внимание его слова, выражение лица, его

поступки в прошлом, мы дополняем подробностями его наклонности, эмоции, темперамент и так далее, создавая тем самым модель его разума.

Затем мы используем модель со всеми ее параметрами, чтобы прогнозировать поведение другого человека. Например, винные бокалы не порхают при падении на пол, а разъяренные люди обычно не щекочут ребенка под подбородком.

МЫ НЕ ЗНАЕМ, ЧТО ВЫЗЫВАЕТ НАШИ ПОСТУПКИ ИЛИ ПОСТУПКИ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ, — МЫ МОЖЕМ ТОЛЬКО МОДЕЛИРОВАТЬ СВОЙ РАЗУМ

Все по-разному представляют себе, как работает термостат. Некоторые считают, что, если вы выставите на нем температуру 30 градусов, батареи станут горячее, чем при температуре в 20 градусов. Они уверены, что, поворачивая рычаг на тепло, вы сообщаете термостату, как вам холодно, и система принимается усердно трудиться, чтобы вас согреть.

Другие оказываются ближе к истине, считая, что термостат на 20 или 30 градусах будет одинаково горячим. Но когда температура в комнате (или, по крайней мере, в той ее части, где висит термометр) достигает желаемой, батареи отключаются. Это другая модель работы отопительной системы — она лучше, потому что позволяет точнее предугадывать то, что должно произойти.

Оба примера — упрощенные модели того, что в действительности делает отопительная система. Чтобы эту систему использовать и обогреть помещение, вам не обязательно знать, как работает электроника в термостате или каким образом бойлер согревает и подкачивает воду. С лучшей моделью человек, скорее всего, не будет мерзнуть в холодные ночи и сумеет сэкономить электричество в теплую погоду. Но какую бы модель вы

ни выбрали, вам все равно придется вызывать мастера, если система сломается.

Наши модели источника счастья и причин раздражения имеют схожий дефект. Они достаточно просты для использования и достаточно сложны, чтобы быть полезными. Однако это не вся правда*.

* То же относится к вашей модели падающей книги. Немногие из нас решали уравнения Ньютона, чтобы предвидеть падение книги, и немногие хорошо понимают теорию Эйнштейна (и что Ньютон ошибался). Кроме того, вы наверняка ввели неточные параметры своей модели: не учли конкретный вес книги или определенную вязкость воздуха. Но, несмотря на использование дефектной модели падения предметов и неполной информации, в целом движение книги будет именно таким, как вы предполагали: она не станет подниматься к потолку или катиться по полу и не начнет разговаривать с вами человеческим голосом. *Прим. авт.*

ЧТОБЫ ПРИНОСИТЬ ПОЛЬЗУ, МОДЕЛИ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО БЫТЬ ПРАВИЛЬНОЙ

Представьте себе робота, который выглядит как кирпич на колесах. У него есть два световых сенсора: один спереди, другой сзади. Когда свет попадает на передний сенсор, мотор, прикрепленный к передним колесам, двигает его вперед. Чем больше света попадает на детектор, тем быстрее робот движется. Когда свет попадает назад, другой мотор направляет колеса назад.

Поведение такого робота легко моделировать и предсказывать. Это светочувствительный робот. Его цель — движение по направлению к освещенным местам.

Мы можем использовать все механизмы своего разума, чтобы создать в своем воображении модель этого робота и выяснить, что он будет делать.

У робота тоже могут быть ошибочные суждения: если светлый участок затеняет темная область, робот никогда не станет туда двигаться, поскольку решит, что это темное направление, и начнет движение назад. Вы можете обмануть робота, затянув его в темную яму, осветив ее фонарем, а можете помочь перейти через темную область к светлому участку. Даже не зная схемы робота, его конденсаторов, катушек сопротивления или батарей мотора, мы можем манипулировать им и предугадывать, что он будет делать.

Модель, безусловно, ошибочна. У робота нет целей и устремлений, и он не может ошибаться в своих представлениях, потому

что представлений у него нет. У него нет способности принимать решения.

Суть моделей состоит в том, что они ошибочны. Физики создавали планетарную модель атомов как мелких частиц с вращающимися вокруг них электронами. В наше время у ученых есть модель лучше, и они доказали, что предыдущая была неправильной, но прежняя модель помогла ученым прогнозировать электрические процессы, теплопередачу и химическую обработку. Наше моделирование сознания других людей точно так же оказывается ложным, и не только в отдельных случаях, но и в глобальном смысле: возможно, такого сознания попросту не существует. У нас нет таких целей, устремлений или намерений, какие мы себе представляем. Тем не менее, если модели помогают нам предвидеть поведение других людей и мы способны использовать предвидение, делая свое поведение более адекватным, значит, эти модели приносят пользу.

**ЕСЛИ ТЫ ГОВОРИШЬ С САМИМ
СОБОЙ, ТЫ СУМАСШЕДШИЙ.
ЕСЛИ ТЫ ГОВОРИШЬ СО СВОИМ
КОМПЬЮТЕРОМ, ТЫ НОРМАЛЬНЫЙ.
ЕСЛИ ТЫ ГОВОРИШЬ СО СВОЕЙ
МАШИНОЙ, ПОРА ПОКУПАТЬ НОВУЮ**

Воображение — наиболее эффективный способ предсказывать поведение других объектов. Мы наделяем их своими представлениями, устремлениями, знаниями и эмоциями, а затем используем модель, которую создали, чтобы предугадывать их следующие действия. Прежде всего такой прием помогает прогнозировать поведение людей, но, поскольку это один из самых сложных процессов в нашем мозге, он применим не только к людям⁹².

У моей подруги была старенькая машина, которая иногда в холода стояла в гараже, и приходилось подолгу прогревать мотор, прежде чем ехать. «Ну что, твои старые косточки согрелись?» — спрашивала моя подруга у машины. — «Теперь мы можем ехать?» А когда она ехала по скользкой дороге, то шептала машине: «Давай, старушка, мы сделаем это. Молодец, так держать». И я чувствовал себя в некотором роде лишним.

Пока я пытался придумать, как лучше написать об этом, в углу экрана появилась иконка антивируса, сообщая мне, что он делает свою работу. Я спросил свой компьютер, почему он ведет себя как ребенок, постоянно напоминая мне о своем существовании, когда

я пытаюсь сконцентрироваться на работе. Когда он зависает, я ворчу на него и требую хорошего поведения. У меня непростые отношения с компьютером — я уверен, что он специально меня достает. Ученые обнаружили: возможность контролировать объекты — один из главных прогнозирующих параметров того, наделим ли мы их разумом в своем воображении. Таким образом мы приспособливаем свое понимание вещей, над которыми не властны: очеловечиваем их. Например, когда шарикоподшипники прыгают в магнитном поле и мы можем выключать магнит, то не персонифицируем их. Но когда экспериментаторы прячут выключатель, испытуемые начинают сообщать, что шарикоподшипники бьются, целуются или не хотят стоять спокойно, то есть наделяют их целеполаганием, а наличие цели предполагает наличие разума⁹³.

Нам просто нужно предугадывать поведение предметов, которые мы не контролируем, поэтому владельцы нового «порше», как правило, не разговаривают со своей машиной, и, если бы мой компьютер работал так, как мне надо, я тоже не бранился бы с ним.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

